
Елена К.
Сказка темного леса
Шварцвальд

Елена К.

Сказка темного леса Шварцвальд

https://litres.ru/74295718
SelfPub; 2026

Аннотация

Лина научилась слышать то, что не видят другие: шёпот леса, эхо болот, дыхание ветра. Её дар — не сила и не магия, а умение различать, где древняя память места просит понимания, а где искажённая реальность жаждет страха. Став советником Ордена, она спасает деревни не огнём и приказами, а осторожностью и правдой: учит людей не бросать слов на ветер, ведь земля всё запоминает. Но не все готовы слушать: одни считают её мягкость слабостью, другие возводят стены из запретов, превращая мудрость в суеверие. А впереди — места, с которыми нельзя договориться: они питаются чужими страхами и стирают границы между правдой и иллюзией. Путь Лины — это поиск хрупкого равновесия между сохранением памяти и защитой от зла, между доверием и осторожностью. Сможет ли она научить других слышать мир — и не потерять при этом собственный голос?

Содержание

Все Главы 4
Глава 1. Запах смолы и пепла 5
Глава 2. Цена слова 12
Глава 3. Сборы и старая клятва 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Сказка темного леса Шварцвальд

Все Главы

Глава 1. Запах смолы и пепла

Город спал, но лес не спал никогда. Он дышал, скрипел, шептал на своём древнем языке, который понимали только те, кто слишком долго смотрел в темноту.

Лина стояла на краю деревни, там, где мощёная дорога терялась в высокой траве и уступала место тропе, протоптанной не людьми, а чем-то более терпеливым. В руках у неё был старый кожаный мешок, в котором лежали не припасы, а вещи, которые нельзя оставлять в доме: серебряный гребень с выщербленным узором, лоскут ткани, пахнущий травами, и письмо, которое она так и не решилась сжечь.

— Ты опять туда? — голос за спиной заставил её вздрогнуть, но не обернуться. Она знала этот голос: Маркус, сын кузнеца, единственный, кто не смотрел на неё с подозрением, но и не смотрел с жалостью. Это было почти то же самое.

— А куда ещё? — она пожала плечами, стараясь, чтобы это выглядело небрежно, а не отчаянно.

— Туда, где деревья растут слишком ровно, а птицы замолкают за сто шагов до опушки? Туда, где старуха Марта шепчет, что лес берёт плату за каждый шаг?

Лина наконец обернулась. В свете фонаря лицо Маркуса казалось вырезанным из дерева — резкие линии, тень под глазами, будто он тоже не спал ночами.

— Лес берёт плату с тех, кто боится, — сказала она, и в её голосе прозвучала та самая лёгкая самоирония, за которой пряталась настоящая дрожь. — А я просто иду посмотреть, не выросла ли там новая тропинка. Или, может, кто-то оставил на пне хлеб. Говорят, духи любят хлеб.

Маркус фыркнул, но в этом фырканье не было насмешки — скорее, попытка удержать мир на привычных рельсах.

— Духи любят хлеб, а инквизиторы любят доносы. Ты это помнишь?

Она кивнула, не отводя взгляда.

— Помню. Но если я буду помнить только это, я перестану выходить из дома. А если я перестану выходить, лес сам придёт ко мне. Так говорят.

Он шагнул ближе, понизив голос:

— Ты не обязана туда ходить. Есть другие пути. Можно уехать в город, можно найти работу у аптекаря, можно…

— Можно стать хорошей девочкой и ждать, пока кто-нибудь решит, что я ведьма, — она закончила за него, и на этот раз в её улыбке не было даже намёка на веселье. — Прости, Маркус. Я не хочу быть хорошей девочкой. Я хочу знать, почему в нашем колодце вода стала горькой, а в лесу кто-то зажигает огни, которых там быть не должно.

Он вздохнул, привычным жестом потёр переносицу — так делают люди, которые слишком много думают о том, что не могут изменить.

— Тогда возьми хотя бы нож. Не для духов. Для людей.

Она покачала головой:

— Нож привлечёт внимание. А мне нужно, чтобы меня не замечали.

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если со мной что-то случится, пусть лучше никто не будет рядом. Так меньше людей пострадает.

На мгновение между ними повисла тишина, тяжёлая, как мокрый плащ. Потом Маркус кивнул, будто принял какое-то решение, и протянул ей маленький свёрток.

— Не нож. Соль. И спички. И… вот ещё. Это от матери. Она говорит, что зверобой отгоняет дурные мысли.

Лина взяла свёрток, ощутив его вес — не столько физический, сколько тот, который приходит с чужой заботой.

— Спасибо, — сказала она тихо, почти шёпотом, чтобы не разрушить хрупкое равновесие между ними.

— Возвращайся до рассвета, — сказал он, уже отступая назад, к свету, к безопасности, к миру, который он понимал. — И если увидишь что-то… что нельзя объяснить, не пытайся это объяснить. Просто беги.

Она улыбнулась — на этот раз искренне:

— Я попробую. Но знаешь, в нашем лесу бежать некуда. Он везде.

С этими словами она шагнула в темноту, и тропа тут же сомкнулась за её спиной, словно её и не было.

Лес встретил её не криком, не рёвом, не чем-то театрально страшным. Он встретил её тишиной — такой густой, что она казалась почти осязаемой, как смола, которая стекает по стволам старых елей и застывает каплями янтаря. Лина шла, стараясь не смотреть по сторонам, потому что знала: стоит задержать взгляд на чём-то слишком долго, и оно начнёт смотреть в ответ.

Тропа вилась, петляла, иногда исчезала вовсе, и тогда Лина шла по памяти, по запаху, по тому, как менялся воздух — от тяжёлого, пропитанного хвоей и гнилью, до странного, почти металлического, который появлялся там, где лес становился… неправильным.

И вот она дошла до места. Поляна, которой не должно было быть. Слишком ровная, слишком тихая, слишком пустая. Даже трава здесь росла не так — прямыми, почти геометрическими пучками, будто её кто-то подстригал невидимыми ножницами.

В центре поляны стоял камень. Не валун, не обломок скалы, а что-то, что выглядело так, будто его вырезали из темноты. На его поверхности были выцарапаны знаки — не буквы, не руны, а линии, которые сплетались в узоры, вызывающие странное чувство узнавания, как будто она видела их во сне, но не могла вспомнить, когда.

Лина остановилась, чувствуя, как холодный пот стекает по спине, несмотря на прохладу вечера. Она не хотела подходить ближе. Но она должна была. Потому что эти знаки бы-

ли похожи на те, что она нашла в старом сундуке на чердаке, среди вещей, которые принадлежали её бабушке — той самой, о которой в деревне говорили шёпотом и никогда до конца фразы.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Камень не шевелился, не дышал, не издавал звуков. Но он был… внимателен. Как будто ждал.

Когда она коснулась его кончиками пальцев, мир на мгновение замер. Птицы перестали петь. Ветер затих. Даже её собственное сердце, казалось, пропустило удар.

А потом камень заговорил.

Не голосом. Не звуком. Слова пришли прямо в голову, холодные и чёткие, как лёд:

«Ты пришла спросить, почему лес берёт плату?»

Лина отдёрнула руку, но было поздно. Слова уже поселились внутри, как семена, готовые прорасти.

«Да», — мысленно ответила она, не зная, слышит ли её камень, или лес, или что-то ещё, что пряталось в тени деревьев.

«Потому что он голоден», — прозвучало в ответ. «И он помнит».

Лина попятилась, споткнулась о корень, упала на колени, но не почувствовала боли. Её трясло не от холода, не от страха, а от чего-то гораздо более глубокого — от понимания, что она больше не одна в этом лесу. И что лес знает о ней больше, чем она сама.

Где-то в глубине чащи раздался треск — как будто кто-то наступил на сухую ветку. Или как будто что-то огромное повернулось во сне.

Лина вскочила на ноги, забыв про осторожность, про тишину, про всё, чему её учили. Она побежала, не разбирая дороги, чувствуя, как ветки хлещут по лицу, как корни пытаются схватить её за ноги.

Но она бежала не от леса. Она бежала к нему — потому что знала: если остановиться, тишина поглотит её целиком.

И когда она наконец вырвалась на опушку, задыхаясь, с разорванной одеждой и царапинами, покрывающими руки, первое, что она увидела, был Маркус. Он стоял там, где она оставила его, будто и не двигался с места. В его глазах было не облегчение, а что-то другое — понимание, что теперь и он стал частью этой истории.

— Что ты видела? — спросил он тихо, не пытаясь обнять её, не пытаясь успокоить.

Лина покачала головой, всё ещё пытаясь отдышаться, пытаясь собрать слова в предложения.

— То, что не должно быть, — прошептала она. — То, что помнит меня.

Маркус кивнул, как будто это было именно то, что он боялся услышать.

— Тогда нам нужно поговорить с кем-то, кто знает старые легенды. С тем, кто не боится их произносить вслух.

Лина посмотрела на него, и в её взгляде мелькнула та са-

мая искра упрямства, которая делала её не жертвой, а хозяйкой своей судьбы.

— Или нам нужно перестать спрашивать и начать отвечать.

Глава 2. Цена слова

Лина не спала. Ночь цеплялась за углы дома, будто не хотела уходить, и каждый скрип половицы звучал как чужой голос, зовущий по имени. Она сидела у окна, теребя в пальцах лоскут ткани, который пах травами и чем-то ещё — старым дымом, пеплом, воспоминанием, которое никак не хотело становиться ясным.

Маркус ушёл ещё до темноты, пообещав, что вернётся на рассвете. Но рассвет всё не наступал, или ей так казалось. Время в деревне в такие ночи текло иначе: растягивалось, как смола на солнце, и становилось липким.

«Он помнит», — шептали в голове слова камня, и Лина пыталась их прогнать, как прогоняют назойливую муху, но они возвращались, упрямые, тяжёлые, будто сами искали место, чтобы пустить корни.

Она встала, накинула плащ, запахнула его плотнее, хотя в комнате было тепло. Тепло было обманчивым. В этом доме тепло всегда было обманчивым.

Путь к дому знахарки лежал не по главной улице, где даже ночью кто-то мог заметить, а через огороды, мимо колодца с горькой водой, мимо забора, где на перекладине висели пучки сухих трав — не для красоты, а чтобы отгонять то, что не любит запах полыни и чабреца.

Дом знахарки стоял на отшибе, почти у самой кромки леса. Он будто нарочно отворачивался от деревни: окна смотрели в чащу, а дверь была повёрнута так, будто хозяйка ждала гостей не с дороги, а из тени деревьев.

Лина постучала трижды, коротко, без размаха — так стучат те, кто не хочет казаться слишком настойчивым, но и не хочет уйти.

Тишина. Потом — скрип. Потом — голос, сухой и низкий, как треск старой коры:

— Если ты пришла за отваром от простуды, у меня его нет. Если пришла за советом, который можно сказать громко, — тоже.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель можно было увидеть острый профиль, седые волосы, туго стянутые в узел, и глаза, в которых не было ни удивления, ни любопытства, ни даже раздражения. Только ожидание.

— Я пришла не за советом, который говорят громко, — сказала Лина, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я пришла за тем, который шепчут.

Знахарка помолчала, будто взвешивала каждое слово на невидимых весах. Потом приоткрыла дверь чуть шире.

— Тогда заходи. Но помни: здесь слова не раздают даром. За каждое придётся заплатить чем-то своим.

Внутри пахло не просто травами, а целой жизнью, прожитой среди запахов: сушёной мятой, корнем валерианы, смолой, воском и чем-то горьким, что Лина не могла назвать. На

полках стояли банки с жидкостями разных оттенков, от янтарного до почти чёрного, а на столе лежала раскрытая книга с пожелтевшими страницами, исписанными мелким, неразборчивым почерком.

— Садись, — сказала знахарка, не глядя на неё, переставляя банки так, будто от их порядка зависело что-то важное. — И говори. Но не всё сразу. Сначала скажи самое короткое. То, от чего не получится отмахнуться.

Лина сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Это помогало держаться.

— В лесу есть камень. Он говорит.

Знахарка замерла. Даже её пальцы, которые только что двигались быстро и уверенно, вдруг стали неподвижными.

— Не голосом, — быстро добавила Лина, будто это могло всё объяснить. — Он говорит прямо в голову. И он сказал, что лес голоден. И что он помнит.

Знахарка медленно повернулась к ней. Теперь в её взгляде появилось что-то новое — не удивление, а признание. Будто она услышала слово, которое давно ждала, но боялась услышать.

— Камень без голоса — это не камень, — проговорила она, и в её словах не было загадки, а была простая, тяжёлая правда. — Это дверь. Или замок. Или ключ. Зависит от того, кто смотрит.

Лина нахмурилась:

— Я не понимаю.

— Ты и не должна понимать сразу, — ответила знахарка, подходя к полке и снимая с неё небольшую жестяную коробочку с потускневшей росписью. — Понимать — это роскошь, которую мы позволяем себе, когда уже слишком поздно. Сейчас тебе нужно знать не «что», а «сколько».

Она открыла коробочку, достала оттуда щепотку чего-то тёмного, похожего на измельчённую кору, и бросила в глиняную чашку с водой. Вода не забурлила, не изменила цвет, но запах стал другим — более резким, более древним.

— Пей, — сказала она, протягивая чашку.

Лина покосилась на неё:

— А это не…

— Не убьёт, — перебила знахарка. — Но может показать то, что ты не хотела бы видеть. Если не хочешь — не пей. Но тогда уходи и забудь, что приходила. И постарайся забыть про камень.

Лина посмотрела на чашку. Потом на знахарку. Потом снова на чашку. И взяла её.

Горько. Не просто горько, а так, будто во рту разом раскрылись все старые раны, о которых она успела забыть. Она сглотнула, чувствуя, как по горлу прокатывается что-то холодное и острое, как лезвие.

И вдруг комната поплыла. Не расплылась, не исчезла, а словно сдвинулась на полшага в сторону, и между вещами появились щели, через которые проглядывало что-то другое.

На стене, там, где висели пучки трав, Лина увидела тон-

кую линию, похожую на трещину, но не в штукатурке, а в самом воздухе. Из этой трещины тянуло холодом, и холод этот был не зимним, а каким-то пустым, будто оттуда, из-за трещины, на неё смотрело нечто, что не имело ни лица, ни формы, но знало её имя.

Она резко выдохнула, и видение исчезло, оставив после себя только запах — тот самый, что был в чашке.

— Ну вот, — спокойно сказала знахарка, забирая чашку из её ослабевших пальцев. — Теперь ты видела. Не всё, конечно. Но достаточно, чтобы понять: лес не просто помнит. Он собирает. Имена, страхи, обещания, клятвы — всё, что люди шепчут в темноте, думая, что их никто не слышит. Камень — это его способ записывать.

Лина провела ладонью по лицу, будто пытаясь стереть остатки видения.

— Зачем? — прошептала она.

— Чтобы однажды предъявить счёт, — ответила знахарка без тени драмы, буднично, как будто говорила о сборе урожая. — Лес — он как старый кредитор. Терпеливый, но до поры. Он копит долги, а потом приходит за ними. И чаще всего приходит не к тем, кто их делал, а к тем, кто остался.

В дверь тихо постучали. Один раз, коротко. Знахарка нахмурилась, будто звук ей не понравился.

— Кто там? — спросила она, не повышая голоса.

— Это я, — голос Маркуса звучал приглушённо, будто он стоял, прижавшись к двери, и боялся, что его услышат

снаружи. — Лина, ты здесь?

Знахарка посмотрела на Лину, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Видно, не одна ты такая упрямая. Впусти его. Но пусть помнит: здесь не говорят лишнего. Слова имеют вес. Иногда — больше, чем человек может унести.

Лина встала, подошла к двери и открыла. Маркус ввалился внутрь, будто его толкнули, и тут же замер, оглядываясь по сторонам, как человек, который попал в место, где законы мира немного другие.

— Я искал тебя, — выдохнул он. — В деревне шепчутся. Говорят, что в лесу этой ночью было движение. Что деревья… шептали.

Лина хотела что-то сказать, но знахарка подняла руку — один короткий жест, и слова застряли у неё в горле.

— Шёпот деревьев — это не ветер, — сказала знахарка, глядя на Маркуса так, будто видела его насквозь. — Это лес перелистывает страницы. И если вы хотите остаться в этой истории не как строчки, а как люди, вам нужно научиться молчать. Или, если уж говорить, то так, чтобы каждое слово было щитом, а не дверью.

Маркус сглотнул, переводя взгляд с Лины на знахарку и обратно.

— Что нам делать? — спросил он, и в его голосе не было юношеской бравады, только усталость и желание понять.

Знахарка подошла к столу, взяла перо и лист бумаги. На-

писала на нём одно слово, потом второе. Потом сложила лист пополам и протянула Лине.

— Здесь — то, что тебе понадобится, если придётся снова идти к камню. Травы, узлы, знаки. И одно правило: никогда не обещай лесу ничего. Даже «я вернусь». Даже «я попробую». Он всё принимает всерьёз.

Лина взяла лист, чувствуя его тяжесть, будто на нём было написано не несколько строк, а целая судьба.

— А если он уже что-то взял? — тихо спросила она.

Знахарка чуть наклонила голову, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то очень старое и очень грустное.

— Тогда ты должна решить, что готова отдать взамен. Потому что лес не любит пустых карманов.

Глава 3. Сборы и старая клятва

Подготовка к новой вылазке шла не в спешке, а в тишине — такой, какую берегут, когда знают, что любой громкий звук может спугнуть удачу. Лина раскладывала на столе вещи, будто выкладывала кусочки карты, по которой можно было пройти через лес и вернуться обратно: мешочек с солью, пучок сушёного зверобоя, маленький кремень и огниво, которое Маркус выпросил у отца, сказав, что собирается жечь костры на опушке «для мальчишеских дел».

Маркус стоял у окна, время от времени выглядывая на улицу, будто ждал, что вот-вот из-за угла появится отряд инквизиторов или хотя бы сплетница из соседней улицы, которая одним взглядом умеет превратить тайну в деревенский слух.

— Ты уверен, что огниво тебе не понадобится для чего-то более… обычного? — спросила Лина, не поднимая глаз, чтобы не выдать, как ей важно, чтобы он остался.

— Обычное подождёт, — буркнул Маркус и тут же добавил чуть мягче: — А если в лесу станет темно так, что даже тени будут казаться чужими, пусть хоть один нормальный огонь будет нашим.

Лина кивнула. Это было правильное рассуждение. В мире, где лес умеет шептать и запоминать, обычный огонь — это

почти молитва.

Она достала из-под половицы потрёпанный лист, который дала ей знахарка. На нём были выведены травы, узлы и знаки, а внизу, мелким почерком, приписка: «Не обещай. Не клянись. Если спросят — отвечай вопросом».

— Знаешь, что самое страшное в этих инструкциях? — тихо сказала Лина, проводя пальцем по строчкам. — Они написаны так, будто тот, кто их составлял, уже однажды не вернулся.

Маркус хмыкнул, но в этом хмыканье не было веселья.

— Значит, мы вернёмся. Просто чтобы доказать, что инструкция не всегда права.

Лина улыбнулась, и в этой улыбке была та самая самоирония, за которой пряталась настоящая боль:

— Или чтобы доказать, что она права, но мы слишком упрямы, чтобы это признать.

Пока они собирали вещи, знахарка рассказала им легенду — ту самую, которую шепчут только тем, кто уже переступил черту и не может сделать шаг назад.

Когда-то, задолго до рождения их бабушек, эти земли были ареной короткой, но жестокой войны. Чужие войска шли через лес, торопясь к городу, и им было не до уважения к старым обычаям. Командир отряда, человек практичный и холодный, решил сократить путь и приказал рубить деревья, чтобы проложить прямую дорогу. Он смеялся над страхами местных, называл их «бабьими сказками» и говорил, что лес

— это просто дрова и доски.

В первую же ночь после того, как топоры ударили по стволам, лес ответил. Не криком, не бурей, а тишиной — такой абсолютной, что даже лошади перестали ржать и только дрожали, прижимая уши. А потом начали пропадать люди. Сначала один часовой, потом двое разведчиков, потом целый дозор. Их следы обрывались у корней, будто земля просто проглатывала их.

Командир не верил. Он велел вырубить ещё больше деревьев, построить на поляне укрепление и оставить там знамя как символ победы над «дикостью». И тогда лес заговорил.

Не голосом, а памятью. Солдаты начали слышать шёпот на языке, которого не знали, видеть в тенях лица тех, кого давно забыли, и просыпаться с ощущением, что кто-то стоит у изголовья, считая их вдохи.

На третью ночь командир сам вышел на поляну, чтобы бросить вызов лесу. Он выкрикнул клятву: «Я возьму у тебя столько, сколько мне нужно, и ничего не отдам взамен!» — и ударил мечом по стволу старого дуба, в который, по преданию, ушла душа первого хранителя этих земель.

С этого момента лес начал собирать долги.

Он не мстил сразу. Он запоминал. Каждое обещание, данное в страхе, каждое слово, брошенное в гневе, каждую клятву, произнесённую без уважения к тишине, он складывал в свою невидимую казну. И с тех пор, если кто-то в этих краях говорил «я сделаю всё, что угодно», лес тихо кивал и запи-

сывал.

Говорят, что камень, к которому ходила Лина, — это не просто камень. Это печать, скрепляющая ту самую клятву командира. И пока она не будет отменена или уравновешена, лес будет брать плату. Не обязательно кровью. Чаще — тишиной, воспоминаниями, спокойствием, сном, надеждой. Тем, что человек не сразу замечает, как теряет.

Знахарка закончила рассказ и посмотрела на них так, будто хотела убедиться, что они поняли главное:

— Лес не злой. Он просто помнит лучше нас. И он не умеет прощать. Он умеет только ждать.

Теперь, собирая вещи, Лина и Маркус думали об этой легенде не как о сказке, а как о карте местности. Каждый предмет в их мешках был не просто предметом, а способом не дать лесу взять лишнего.

Лина завязала на запястье узел из грубой льняной нити — такой, какой учила знахарка: не красивый, а крепкий, с тремя петлями, каждая из которых означала «нет». Не «я не боюсь», а «я не обещаю».

— А ты что-нибудь завязал? — спросила она у Маркуса, стараясь, чтобы это прозвучало как шутка.

— Я завязал слово «подождём», — он криво усмехнулся, пряча в карман маленький железный гвоздь, который стащил из кузницы. — Если лес захочет взять что-то у меня, пусть сначала попробует вытащить это из железа. Оно упрямее меня.

Лина фыркнула, и напряжение, стягивавшее плечи, чуть ослабло.

Они вышли из дома, когда небо ещё было серым, как остывший пепел, и деревня казалась вымершей. Только дым из труб поднимался вверх, будто пытался унести с собой все невысказанные страхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.